

Вацлав Воровский

Леонид Андреев

Вацлав Воровский
Леонид Андреев

«Public Domain»

1910

Воровский В. В.

Леонид Андреев / В. В. Воровский — «Public Domain», 1910

«Если вы попросите современного интеллигентного русского читателя назвать наиболее талантливых авторов наших дней, он, наверное, на одно из первых мест – если не на первое – поставит Леонида Андреева. И тем не менее этот самый читатель прочитывает каждую новую вещь Андреева с неудовлетворенным чувством: «Нет, это не то; эта вещь автору не удалась». И почти все, что дал литературе Л. Андреев, сводится в конце концов к длинному ряду таких неудавшихся произведений...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Вацлав Воровский

Леонид Андреев

I

Если вы попросите современного интеллигентного русского читателя назвать наиболее талантливых авторов наших дней, он, наверное, на одно из первых мест – если не на первое – поставит Леонида Андреева. И тем не менее этот самый читатель прочитывает каждую новую вещь Андреева с неудовлетворенным чувством: «Нет, это не то; эта вещь автору не удалась». И почти все, что дал литературе Л. Андреев, сводится в конце концов к длинному ряду таких неудавшихся произведений.

Итак, с одной стороны – общепризнанный крупный талант, с другой – вечно не удающиеся произведения. И этот суд «толпы» в общих чертах совпадает с судом критики. Очевидно, в самой основе творчества Л. Андреева заложено какое-то противоречие, и это противоречие мешает автору успешно осуществлять задуманные им планы, воплощать в художественные произведения преследующие его идеи и образы; это противоречие нарушает цельность, а с нею и силу его произведений, оставляя их какими-то недоделанными. Вот-вот, кажется, наткнулись вы у автора на новую, яркую, интересную мысль; вы хватаетесь за нее, идете за извилинами ее хода и вдруг – эта смелая, оригинальная мысль шлепается на землю и неуклюже волочится нелепыми, ненужными толчками. Развеивается обаяние, и с досадой откладываете вы книгу: «Нет, это не то!»

Редкий писатель порождает столько надежд и упований у интеллигентного читателя, как Л. Андреев. Каждая новая вещь его при самом появлении в свет встречала уже подготовленный интерес, подхватывалась, читалась и даже, не удовлетворив читателя, оставляла надежду, что вот следующая вещь непременно скажет то самое нужное и важное, чего ждет не дождется – и ждет именно от Л. Андреева – измотавшаяся душа русского интеллигента. Приходил рассказ за рассказом, драма за драмой, а читатель все ждал, и ждет до сих пор, нового откровения.

В чем же заключается указанное противоречие? Быть может, разобравшись в нем, поняв его, мы сможем понять и особенности таланта, и причины неудачливости Л. Андреева.

Если вы просмотрите все произведения Л. Андреева за минувшие одиннадцать лет, вы увидите, что – за небольшими исключениями – он затрагивает по преимуществу *социальные* темы. Это стало особенно заметно в последние годы. «Красный смех», «К звездам», «Савва», «Тьма», «Проклятие зверя», «Семь повешенных», «Мои записки», «Дни нашей жизни», «Анатэма», – довольно назвать эти крупнейшие из вещей Л. Андреева, чтобы оценить, насколько привязана мысль его к вопросам общественной жизни.

Но и в ранних произведениях его, а также в тех из позднейших, где темой является *личная* психология, вы все время чувствуете, что личность здесь бьется о преграды, поставленные социальными условиями, и сама психология личности – особенно в ее отклонении от нормы – является непосредственным порождением этих же социальных условий.

Но социальные и социально-психологические вопросы, раз будучи подняты, нуждаются в известном *положительном* разрешении или, по меньшей мере, освещении. Как освещает или разрешает их автор – глубоко или поверхностно, верно или ошибочно, серьезно или путем остроумного парадокса, – это сейчас для нас вопрос второстепенный. Но нельзя ни разрешить, ни осветить вопросов *жизни*, когда отрицаешь самую жизнь, когда не веришь в жизнь, когда оцениваешь *бытие*, исходя из апологии *небытия*. Можно отрицать *данную* жизнь во имя другой, лучшей жизни; и тогда творчеству художника открываются необозримые горизонты, ибо такое отрицание чревато неисчерпаемым богатством. Но отрицать вместе с *данной* жизнью

жизнь *вообще*, подчинять жизнь – смерти, свет – тьме, разум – безумию, то есть идейно *разрушать* и в то же время *творить* – это противоречие, которое не может ужиться в одной душе, не раскалывая ее на непримиримо враждебные половинки. Художественное творчество при таких условиях носит в самом себе разъедающую ложь, и как бы ни маскировал автор эту ложь умелыми приемами письма, она будет отталкивать читателя своей непосредственной психологической неприемлемостью.

Леонид Андреев именно противопоставляет всем многообразным вопросам жизни общества и личности лишь неизменные: смерть, безумие и тьму, то есть физическую, интеллектуальную и нравственную смерть. Это его ответ на все наши запросы. Словно перед пытливой душой автора поставили черное стекло, поглотившее все яркие, жизнерадостные, красочные лучи, и грустный флер закрывает от него весь многоцветный мир. Что для него жизнь Человека, с ее радостями и восторгами, с ее борьбой, победой и падениями, когда там, в глубине сцены, стоит загадочный Некто в сером и отмечает таяние воска в свече жизни? Все суется – мрачно вещает Л. Андреев. Могучая мысль, самоотверженный порыв превращаются в безумие помешанного или идиота, нежную душу юноши или горячую веру борца топчет в грязь нога проститутки, а все – великое и пошлое, прекрасное и уродливое, героическое и жалкое – одинаково поглотит смерть. И в предчувствии ее автор созерцает вселенную зловещим взглядом Елеазара, посылающим гибель и тление всему сущему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.